

А.А. ЯЧЕВСКИЙ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Достроенному в 1857 году на Конногвардейском бульваре особняку князя Михаила Викторовича Кочубея петербуржцы сразу же дали название «Дом с маврами». Эти мавры – мраморные бюсты с чёрными лицами и в белых одеждах – до сих пор «живы» и возвышаются на столбах-постаменте ограды. Внешне почти неизменившимся сохранилось с тех времён и само здание, известное теперь больше как дворец Кочубея. Но за полтора века своего существования дом № 7 по Конногвардейскому бульвару, несомненно, претерпел множество серьёзных испытаний. Особенно с той поры, когда «именем революции» выдворили отсюда последнего законного владельца. Это был уже, понятно, не М. В. Кочубей и даже не его дети или внуки. Особняк принадлежал князю ровно десять лет: в декабре 1867 года участок земли со всеми на нём постройками купил у него одесский грек, купец первой гильдии Фёдор Павлович Родоканаки. Кое-что новый хозяин по своим потребностям и архитектурному вкусу перестроил, но главное, то есть сам дворец, фактически не трогал. При желании, конечно, можно выявить имена всех следующих за ним владельцев. В том числе узнать, кто же именно тот последний, о котором упомянуто выше. Но пока довольно и названных сведений, они вполне достаточны, чтобы перейти к тому, ради чего предпринято это повествование...

Конногвардейский бульвар, 1870-е годы. Дворец Кочубея во владении купца Ф. П. Родоканаки

Год 1928-й для Артура Артуровича Ячевского начинал складываться весьма знаменательно. Во-первых, он был выдвинут кандидатом в действительные члены Академии наук СССР. В мае месяце, за подписью Н. И. Вавилова, непременно секретарю Академии С. Ф. Ольденбургу было доставлено по этому поводу соответствующее письмо. Выдвижение происходило от Всесоюзного Института прикладной ботаники и новых культур. По новому, советскому, Уставу Академии кандидатуру, в данном случае, выдвигала научная организация, тогда как прежний порядок позволял это делать исключительно академиком. Однако и переделанные «правила игры» не таили сами по себе для члена-корреспондента АН СССР А. А. Ячевского никаких препятствий. 1 декабря того же года, кстати, исполнялось уже ровно пять лет его пребывания на этой ступени. Вот и Николай Иванович Вавилов, без всякого сомнения, ничего не преуменьшая и не преувеличивая в характеристике претендента, достойно и многосторонне определил реальную значимость научных достижений и заслуг будущего, как он мыслил, академика. Оценки всеобъемлющие и весомые в своей общепризнанности. Не потребовалось поэтому на их перечисление многих машинописных страниц. Письмо в Академию довольно лаконично. Воистину без всякого преувеличения была среди прочих названа и эта грань обширной деятельности учёного: «А. А. Ячевским создан большой, мирового уровня Институт по микологии и фитопатологии, ныне именуемый „Лабораторией имени А. А. Ячевского”» [1].

Ещё целых тринадцать месяцев до постановления Совнаркома о создании Всесоюзного научно-исследовательского института защиты растений, а Н. И. Вавилов уже именуется Лабораторию Институт, причём уровня высочайшего, мирового. Но первый в этом определении эпитет выражен словом «большой». Он вполне понятен, хотя в нём можно увидеть и дополнительный смысл... С 1912 года находящейся на Английском проспекте Лаборатории стали давно тесны помещения дома № 29, стоявшего на пересечении с улицей Торговой. Учреждение неуклонно разрасталось, увеличение штатов и объёма работ требовало изыскивать дополнительные площади. «Большому Институту» городские власти пошли навстречу, положительно решив вопрос о передислокации тогда ещё Отделения Государственного Института опытной

агрономии. Определили здание, куда предстояло переехать: дом № 7 по Конногвардейскому Бульвару, превратившемуся, впрочем, на волне революционных переименований в Бульвар Профсоюзов.

И это было второе событие 1928-го года, значительность которого для Артура Артуровича больше всего проявлялась чувством радости. Судя по известным воспоминаниям одного из учеников А.А. Ячевского, профессора А. А. Бабаяна, документы о предоставлении особняка Лаборатории были утверждены ещё до осени. Возвратившийся из семимесячной экспедиции по Средней Азии Аршавир Абгарович тут же поспешил по новому адресу... «В Ленинград я вернулся в последних числах октября 1928 года. Артур Артурович под лабораторию получил новое помещение на Бульваре Профсоюзов. Об этом он с удовольствием писал нам в Туркмению. При моём появлении, после крепкого объятия, он оставил свои дела и провёл меня по всем комнатам и этажам, указал назначение каждой из них. Этот обход он закончил своим кабинетом и с особенным удовольствием указал, что из его кабинета виден Исаакиевский собор...» [2].

Понятно, что с момента получения новых площадей само переселение должно было занять немало времени. Перебазировать с места на место многочисленные и прихотливые в деле перевозки предметы лабораторного оборудования не так-то просто. Но была тут и подлинно тяжёлая работа, требовавшая прямой подмоги грузчиков. Огромные дубовые шкафы и столы, ничуть не уступающие им по своей тяжести, увесистые ящики с книгами библиотеки... Сколько надо было вынести и погрузить, перевезти и разгрузить, снова перенести, поднять по лестницам – и водрузить, наконец, на своё место. Поэтому в тот день, на исходе октября 1928 года, Ячевский, обходя со своим учеником комнаты по всем этажам, по существу рассказал ему о том, как помещения распределены, где что будет после полного окончания переезда. И, разумеется, не везде ещё тогда закончили необходимые ремонтные работы, некоторые специальные переоборудование помещений. Ведь «Дом с маврами» уже накануне 1918-го занят был особым органом быстро укреплявшейся большевистской власти...

Теперь можно себе примерно представить, как за несколько лет «преобразился» национализированный особняк, пока размещался здесь Революционный трибунал Петроградско-

го военного округа. Повоевали новые хозяева, безусловно, с буржуазными излишествами роскошных дворцовых интерьеров, были замурованы каналы вентиляции и отопления духовыми печами. Для арестантов, доставляемых сюда держать ответ перед судом Ревтрибунала, подготовили подвальные застенки, и для кого-то они потом становились последним жилищем перед расстрелом. Флигелям во дворе была отведена роль различного рода подсобок. После 1923 года, когда трибунальный этап советской судебной системы всё же закончился, дворец Кочубея казённой безликостью комнат мало напоминал о лучших своих временах.

Зато Лаборатория, после прежних условий размещения, обрела здесь несравнимые преимущества. Основным улучшением обстановки было то, что переезжали в особняк! И ещё то, что распрощались, наконец, с теснотой и неудобством помещений бывшего доходного дома на Английском проспекте, 29. У А. А. Бабаяна на этот счёт впечатление сразу же сложилось в наилучшем виде: «Новое здание Лаборатории было намного удобнее для работы» [3]. Так заканчивается небольшой его рассказ о том памятном октябрьском дне. Полностью с переездом и окончательным обустройством Лаборатории управились только в декабре. Позволено было профессору Ячевскому занять здесь необходимую площадь и под личную квартиру. За все прожитые в Петербурге годы это было для него уже седьмое квартирное переселение.

Впервые адрес местоживания появился у Артура Артуровича в Санкт-Петербурге, когда он был оформлен в качестве лица, состоящего на службе при Императорском Ботаническом Саде. Несмотря на то, что начинал он здесь работу нештатным – «прикомандированным» – сотрудником, ему, по распоряжению директора Фишера фон Вальдгейма, была на территории Сада отведена квартира, с отоплением и водопроводом. При этом освобождался он и от уплаты за жильё. Адрес же значился таким образом – «Аптекарская набережная, 2». Около пяти лет был А. А. Ячевский жителем Императорского Ботанического Сада. Квартиру служебную на Аптекарской набережной, как и сам Аптекарский остров, оставил он в пору создания при Саде Центральной фитопатологической станции Департамента земледелия, заведующим которой его назначили. Произошло это на рубеже 1901/1902 годов.

Следующий адрес оказывается слегка похожим на прежний, в том смысле, что вместо Аптекарской набережной теперь был Аптекарский переулок. Не так давно здесь достроили тогда и стали заселять очередной в столице доходный дом. Присвоен ему был на Аптекарском шестой номер. Но по каким-то причинам квартировал в этом доме А.А. Ячевский недолго. Очевидно, в те же самые месяцы уже начиналась его новая семейная жизнь, потому как, накануне 1903 года, с Аптекарского переулочка на следующую квартиру перебрался он не один. Теперь Артур Артурович был женат, а избранницей его стала тридцатитрёхлетняя Екатерина Владиславовна Булгарина.

И поселились Ячевские отныне по другую сторону того же ряда зданий – на улице Царицынской, 5. Марсово поле тогда ещё предпочитали называть Царицыным лугом, и не только в обиходе. Собственно улицы как таковой тут никогда не было, поэтому считался допустимым иной вариант адресного различения. Забавно этим воспользовался однажды Артур Артурович...

Для него, как видно, гораздо поэтичнее звучало «Царицын луг», нежели просто «Царицынская улица». Когда вышла из печати адресно-справочная книга «Весь Петербург на 1904 год», то, согласно представленным ею сведениям, оказалось,

В двухэтажном этом здании до 1905 года находилась квартира Ячевских

что Екатерина Владиславовна, жена потомственного дворянина А. А. Ячевского, проживает, как и оба они проживали в предыдущем году, на *улице Царицынской, 5*, тогда как сам он ту же квартиру в том же доме занимает теперь по адресу *Царицын луг, 5*. Да, именно так – чёрным по белому – и напечатано. А словно чтобы не возникало ненужных сомнений, указан и у него, и у неё один и тот же номер домашнего телефона – 2445. Фокус весёлый и вполне безвредный, и нельзя не узнать в нём самого Артура Артуровича. Пошутить он любил и умел это делать, не заходя за пределы здравомыслия. При сборе данных для соответствующего раздела адресно-справочных книг всё записывалось ведь со слов квартиронанимателей, и Ячевскому, по всей видимости, захотелось считать себя с нового, 1904-го, года жителем именно Царицына луга.

Не более трёх лет прожил Артур Артурович с женой на краю огромной и ужасно пыльной площади, пока не решено было, наконец, покинуть эту квартиру. Но прежде чем заговорить о том, куда они отсюда переехали, стоит ещё раз взглянуть на переулок Аптекарский. Дело в том, что по той же чётной его стороне располагался, намного раньше возведённый, доходный дом принца А. П. Ольденбургского. Номер его – 4, у А.А. Ячевского был – 6. И в доме этом проживал граф Николай Иванович Татищев, отставной офицер лейб-гвардии Преображенского полка, гласный Городской думы, именитая в Петербурге личность. Как раз в 1904 году у него умерла жена, Мария Сергеевна, от которой к нему перешли права на владение домом № 2 по улице Спасской. Краткое о Татищевых упоминание не какая-то поэтому случайность. Ведь собственно здесь, в доходном доме графа, бывшего недавним соседом Артура Артуровича по Аптекарскому переулочку, поселились супруги Ячевские, оставив Царицын луг. Вполне вероятное знакомство с Н. И. Татищевым помогло устроиться на этот раз в очень удобном и благополучном месте.

Квартира, которую А. А. Ячевский в этом доме, как тогда принято было говорить, нанял, особенно историческая. Все революционные события и потрясения, начавшиеся в Санкт-Петербурге 9 января 1905 года, пережиты на Спасской. Отсюда отправился Артур Артурович на два месяца в последнюю заграничную командировку от Императорского Ботанического сада. Здесь, примкнув осенью того же года к Партии правового порядка, редактировал её программные документы. Сюда, для неотложного обсуждения дел, заглядывал к нему известный столичный журналист, брат министра внутренних дел, Александр Столыпин, совместно с которым было организовано издание «Маленькой газеты». Частная микологическая лаборатория, избранная действительным членом Учёного комитета Главного управления землеустройства

и земледелия, открытие Бюро по микологии и фитопатологии, начало работы в Императорском Российском Обществе Садоводства... И, конечно же, рождение сына в 1908 году. Всё это, и многое другое, так или иначе – жизнь на Спасской, 2. Исторический дом по сей день стоит на своём месте, но переименованное советской властью название улицы, по всей видимости, будет таким уже навсегда – улица Рылеева...

И ещё один особенный момент: именно со Спасской, никуда ещё отсюда не переселяясь, открывает А. А. Ячевский небольшую череду иных переездов. В год 1907-й, когда стало реальностью учреждение Бюро по микологии и фитопатологии, седьмого по счёту Бюро в истории Учёного комитета, Артур Артурович перевёз на новое место свою частную лабораторию, вместе с ним «квартировавшую» в доме Татищева. Сам он об этом рассказывал так:

«Работа началась при весьма скромной обстановке, так как в первое время научный персонал состоял только из двух лиц: заведующего Бюро и его помощника. За неимением собственного помещения пришлось воспользоваться гостеприимством Сельскохозяйственного Музея, отпустившего в распоряжение Бюро одну, впрочем, большую комнату. Зато основное оборудование сразу оказалось поставленным на должную высоту, так как значительный микологический гербарий, обширная библиотека, приборы и микроскопы были представлены Бюро его заведующим» [4].

Императорский Сельскохозяйственный Музей Главного управления землеустройства и земледелия. Соляной городок. Фонтанка, 10. Фото конца 19-го века

Радухин оказал Ячевскому профессор Павел Николаевич Елагин, исполнявший в то время обязанности директора Музея. Просторная комната, выделенная им для Бюро, на первых порах вполне устраивала. Главное, всему хватило места: микологическому гербарию, «значительность» которого определялась ведь ещё и размерами, «обширной библиотеке» научных изданий и, наконец, находившейся в рабочем состоянии готовой лаборатории. Не было теперь также большой надобности, выходя из дома на работу, брать извозчика: хорошим шагом от Спасской до Музея – не более двадцати минут ходьбы. Одним словом, расположение наилучшее, и ни в какое не идёт сравнение с теми обстоятельствами, которые необходимо должны будут возникнуть, когда Ячевские станут жителями Царского Села. Ближе к 1910 году произойдёт очередное квартирное переселение, тогда как Бюро продолжит свою деятельность под гостеприимным кровом Сельскохозяйственного Музея. И выходит при этом, что перебазирование сюда, из домашних условий, частной микологической лаборатории – первый при жизни учёного переезд будущей

Лаборатории имени А. А. Ячевского, будущего «Института мирового значения».

Квартира царскоевская располагалась в части города с названием София, где Ячевские поселились на улице Стесельской, в доме № 26. Это единственный несохранившийся до наших дней дом из всех зданий, в которых в разные годы довелось проживать Артуру Артуровичу. Чтобы добраться из Царского Села на Фонтанку, нужно было теперь тратить гораздо больше времени. В основном приходилось пользоваться, понятно, железной дорогой, но, вполне возможно, кто-нибудь при случае и подвозил профессора Ячевского до Санкт-Петербурга на своём, по тогдашнему выражению, моторе. Однако, дел было у него хоть отбавляй и в самом Царском Селе. Чего стоило, к примеру, одно только участие в Юбилейной выставке по случаю 200-летней годовщины Царского Села. Мероприятие всеобъемлющее, представлявшее грандиозную выставку достижений народного хозяйства. В числе десяти готовившихся к демонстрации отделов был отдел сельскохозяйственный, за всю организацию которого полностью отвечал А. А. Ячевский. Выставка прошла во второй половине 1911 года.

Практически на то же самое время приходится, по словам самого Ячевского, «более усиленная деятельность Бюро, в связи с увеличением кредитов и научного персонала...» Поэтому к началу 1912 года «Бюро переехало, наконец, в собственное помещение...» [5]. Расположились в нескольких комнатах доходного дома Сергея Григорьевича Кузнецова, известного в столице владельца мясоторговой фирмы. Было у него по городу пять магазинов, и главный из них работал на первом этаже этого здания. Лаборатория разместилась этажом выше. Новый её, уже называвшийся, адрес – Английский проспект, 29. Отмечен был очередной этот переезд одной отличительнейшей особенностью. Впервые Артур Артурович смог организовать предельно полное «воссоединение» со своей Лабораторией. Да, прямо здесь, рядом с помещениями Бюро по микологии и фитопатологии, находились теперь комнаты его семейной квартиры.

На протяжении более чем шестнадцати лет судьбе угодно было отныне ничего не предпринимать в плане каких-либо переездов и переселений. Зато этот отрезок времени вообрал в себя, вместе с новой исторической жизнью России, целую эпоху небезболезненно произошедших ключевых перемен в деятельности Бюро, в жизни его бессменного руководителя, учёного с мировым именем и просто человека, гражданина своего Отечества. Начавшаяся через два года война с Германией, рухнувший уклад самодержавного государства и приход к власти большевиков, разваливающаяся в огне гражданской войны экономика, голод и ужесточение репрессий против «бывших»... Казалось бы, какая тут могла быть почва для веры в грядущее процветание России. И всё же Артур Артурович Ячевский не потерял надежды на то, что в строительстве нового общества не будет отвергнуто его дело, его наука, и потому страну не оставил, продолжив работать в невероятно тяжёлых, а со временем и просто опасных обстоятельствах. Что-то такое было определяющее в его личности, не позволявшее ему бросить на произвол судьбы начатое и сделанное в России, осуществлённое во имя России. Наверное, ничем, кроме как любовью к своей родной земле, всего этого не объяснить...

Но вот приблизились к финишу 20-е годы XX столетия, шёл уже декабрь 1928-го. В переехавшей на новое место Лаборатории имени А. А. Ячевского практически всё закончено с обустройством – можно готовиться к новоселью. Празднество по случаю радостного и важного события намечено на

А. А. Ячевский с коллективом сотрудников и практикантов Лаборатории. Проспект Маклина, 29 (Английский пр., 29).

Год 1925-й

двадцать второе число. Артур Артурович мыслит проведение мероприятия в форме «семейного вечера». Была в дореволюционное время такая традиция, называвшаяся «семейными вечерами». Их устраивали пожелавшие коллективно отметить что-нибудь очень знаменательное всевозможные товарищества. Ячевский же и в новое время всегда принципиально держался не то чтобы чего-то старорежимного, а именно оставался верен традиционным добрым проявлениям дружелюбия по отношению к людям. На бристолевском картоне, высококачественной плотной бумаге английского производства, типографским способом было отпечатано для рассылки необходимое количество приглашений:

Микологическая Лаборатория имени проф. А. А. Ячевского просит вас почтить своим присутствием семейный вечер, имеющий состояться в субботу 22 декабря 1928 года, по случаю переезда в новое помещение (Конногвардейский бульвар, д. 7).

Начало ровно в 7 часов вечера.

Порядок дня:

1. Деловая часть — актовая речь А. А. Ячевского.
2. Развлечения — дивертисмент и танцы.

Пригласительный как пригласительный, но отчего же гости приглашаются на Конногвардейский бульвар вместо Бульвара профсоюзов по-советски? Оттого, не подлежит никакому сомнению, что автором галантно составленного текста был не кто иной, как сам Артур Артурович. Словно не заметив десятилетнего срока, протекшего с момента перемены названия, он продолжает именовать Бульвар по старинке.

Под кругом «семейным» в этот ожидаемый вечер подразумевались, конечно же, не только сотрудники Лаборатории и самые ближайшие соратники профессора Ячевского из учёного мира. Билеты были разосланы по всему Советскому Союзу, в том числе и на адреса республиканских подотделов Защиты растений, курируемых Отделением микологии и фитопатологии Государственного Института Опытной Агрономии. Само собой понималось, что отнюдь не в каждом коллективе отыщется возможность командировать по приглашению в Ленинград своих представителей. В особенности если это значительно удалённая территория страны. И тем не менее пригласительные отправляли, надеясь, что при попутном, так сказать, стечении обстоятельств, кто-то всё же сможет торжество новоселья «почтить своим присутствием», чувствуя при этом себя на «семейном вечере» вполне своим.

Программа вечерняя, подготовленная на 22 декабря, была, надо заметить, вторым торжественным мероприятием

по случаю переезда. Начиналось же всё ещё днём, когда тишина помещений дворца Кочубея огласилась распевом священника, приступившего к заказанному Артуром Артуровичем молебну. Совершался чин освящения дома: теплились, потрескивая, церковные свечи, запахло дымком кадильного ладана. Приглашён был, по всей вероятности, священнослужитель из Преображенского Собора. Храму, возле которого Ячевские жили до революции, Богом, наверное, предопределено было избежать за всё советское время участи уничтожения и даже закрытия. И всё-таки Артур Артурович как-то не слишком осторожничал с этим делом. Ведь церковь давно уже и беспощадно подвергалась угнетению, вплоть до расстрелов её служителей. А самые первые казни совершались по приговору тех же революционных трибуналов. И теперь на Бульваре профсоюзов происходило нечто необыкновенное: стены комнат, в которых каких-то пять лет назад исполняли свою службу сотрудники Петроградского Реввоентрибунала, окропляются святой водой, помазуются в виде крестов елеем, и при этом из уст священника звучат слова молитвенного заклинания: «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, окроплением воды сея священныя, в бегство да претворится всякое лукавое бесовское действо, ами-и-нь».

Как же можно не поверить тому, что субботний этот праздник удался и в той его части, что задумана была как «семейный вечер». Слушали, стараясь не пропустить ни слова, торжественную речь профессора Ячевского, после чего со всей непосредственностью отдались веселью дивертисмента. Зрителям — приглашённым гостям и своим сотрудникам — была предложена постановка самодельного спектакля. На импровизированных подмостках неожиданно развернулись перед ними изобретательно-юмористически подготовленные сценки, которые разыгрывали между собой «микологические персонажи». Николая Ивановича Вавилова, вместе со всеми смотревшего спектакль, довели буквально до хохота. Но восторг был всеобщий, о чём свидетельствовали дружно взрывающиеся рукоплескания. Потом, поставив первую пластинку, завели пружину заграничного патефона — и начались танцы! Торжество почтили своим присутствием президент Академии наук А. П. Карпинский и будущий его преемник В. Л. Комаров. Присутствовали, должно быть, и гости издалека, которым посчастливилось побывать на вечере и потом сохранить о нём память на всю жизнь... Отпраздновали переезд-новоселье в самый канун Нового, 1929 года, а встретив его, были, как полагается, полны новых надежд, которые в такую пору, да в прекрасно обновлённых условиях, всегда особенно напористо наполняют сердца... И вдруг, в самом конце января, в двух разных изданиях периодической советской печати появляются — фактически одновременно — две как будто не связанные никак между собою публикации. Обе небольшого объёма, прозвучали они как своеобразные «отклики» на мероприятия в Лаборатории имени А. А. Ячевского, случившиеся 22 декабря.

Один из этих «откликов» был опубликован в журнале «Чудак», официально считавшем себя художественным журналом сатиры и юмора. Всесоюзное издание это осуществлялось еженедельно, было 16-страничным, иллюстрированным, и продавался «Чудак» за 15 копеек. Претендующая на сатиру и юмор заметка о Лаборатории помещена в четвёртом январском номере, то есть по истечении четвёртой недели месяца. Представляла она из себя нечто вроде коротенького фельетона, абсолютно без каких-либо различимых художественных достоинств, но именно с претензией на остроту ума. И надо сразу отметить, что юмор у «Чудака» во многих случаях отличался подлинной «чудаковатостью». Журналу, положивше-

му себе целью осмеивать советский бюрократизм, вместе с пережитками прошлого, то и дело мерещилось социальное зло там, где ничего подобного по сути дела и не было. От целого ряда никак не подписанных, даже псевдонимами, публикаций просто разит непорядочностью и неразборчивостью. Но весело было увлечься и в состоянии безнаказанности позубоскалить-поклевать скрывающему своё имя тому или иному автору.

Впрочем, «чудаковатый» имярек, коему взбрело в голову пропесочить незадачливую микологическую лабораторию, назвал свой опус весьма эффектно – «Микологические именины». Да только чересчур уж перемудрил безымянный «сатирик», в первом же словосочетании произведя холостой выстрел. Какой, действительно, прок в его «именинах», когда речь сам же он начинает об истории, определённо касающейся одного лишь новоселья? Многое, разумеется, додумано самим фельетонистом, и это становится ясно по мере прочтения...

МИКОЛОГИЧЕСКИЕ ИМЕНИНЫ

«Из далекого, холодного Ленинграда пришло письмо в подотдел защиты растений при Джытысуйском губземотделе, что помещается в городе Алма-Ата.

Пять тысяч километров отделяет подотдел Защиты Растений от холодного, далекого Ленинграда. Когда распечатали синий пакет, оттуда выпал кусок бристолевского картона, на котором изумленные защитники растений прочли нижеследующие пламенные строчки...»

Изумившие джытысуйских фитопатологов строчки были, как легко можно теперь догадаться, текстом приглашительного билета. Определены они автором тоже очень броско – «пламенные». В те годы сплошь и рядом всё было пламенным – пламенные сердца, пламенные призывы к народу, революционеры пламенные... Но какую такую пламенность подразумевал в данном случае анонимный «юморист» – не слишком понятно. Напустив иронического пафосу, дальше он уже неприкрыто хохмит и всё смелее, до самой последней своей строчки, оригинальничает...

«По всей вероятности, микологическая лаборатория ожидала, что алма-атинцы бросят свои растения, так нуждающиеся в защите, и немедленно ринутся в Ленинград на семейный вечер, чтобы заслушать деловую часть, а затем принять шумное и лихорадочное участие в развлечениях.

Но, увы! Алма-атинцы не пожелали почтить своим присутствием лабораторные танцы и даже образовали секцию защиты подотдела Защиты Растений от приглашений на микологические именины, имеющие состояться за 5000 километров от них» [6].

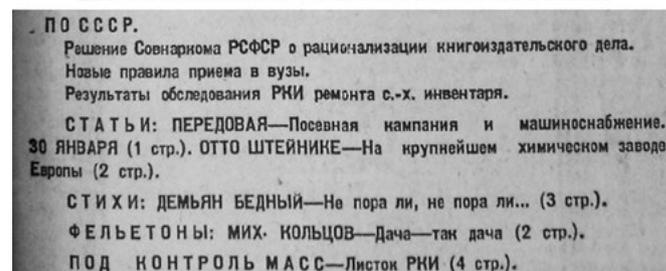
С большой долей уверенности можно допустить, что никто из сотрудников подотдела и в мыслях не держал оскорбиться полученным из Ленинграда приглашением. Также как и само мероприятие по случаю столь значительного события вряд ли кто из них расценивал на уровне «лабораторных танцев». Однако факт публикации состоялся, «Чудак» отшутился по полной. Другое дело, что к шуткам подобного рода даже эпитет «плоские» мало подходит. Это крайне топорно и с явно неприличным вкусом. Но вопрос даже не в этом. Интересней было бы знать иное: зачем вообще публикация – для чего понадобилось потешаться над научной Лабораторией с мировой известностью словно над какой-нибудь местной конторой губсовнархоза?

Кое-что обретает черты более внятные при знакомстве со вторым печатным «откликом» на всё произошедшее в Лаборатории 22 декабря. Но прежде всего обращает на себя внима-

ние удивительное совпадение обеих публикаций во времени. Чуть ли не день в день выходит вот этот номер «Правды» [7]:

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

В оглавлении номера среди прочего значится: «СТИХИ: ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ – Не пора ли, не пора ли...» Это и есть ещё один «отклик», автор которого, на этот раз чрезвычайно явный, использовал в качестве материала для своего, не поэтического, нет, – политического творчества совершенный 22 декабря во дворце Кочубея молебен. Дороги кремлёвскому поэту были тогда ещё открыты везде, поэтому те же самые стихи одновременно появились ещё в двух центральных изданиях – «Вечерней Москве» и в Ленинградской «Красной газете». В антирелигиозной пропаганде трудно было кому-либо тягаться с Демьяном Бедным. На поле идеологической агрессии против Православия ему не было равных. Целыми потоками в прессе лилась на русскую Веру его грязная рифмованная мерзость. Во многих случаях конкретную тему «агитатору» подкидывали нужные люди. Как это наверняка было и теперь. Никто же не приглашал Демьяна Бедного в тот день на Бульвар профсоюзов, дабы он под свежим впечатлением от увиденного изобразил бы очередную порцию партпреданности с помощью этих гнусных виршей:

НЕ ПОРА ЛИ, НЕ ПОРА ЛИ...

(На мотив «Во Иордани крещающуся тебе, Господи...»)

На 12-м году революции переезд в новое помещение фито-патологического отделения Ленинградского государственного института опытной агрономии профессора организовала 22 декабря 1928 г. по всей форме со святой водой, попом и образами.

Заканчиваются эти вирши Д. Бедного так:

Доколе наши наркомземы и наркомпросы
Будут содержать ложно-учёные отбросы?
Доко-о-ле будем мы доверять советскую рассаду
Богомольно-профессорскому стаду?
Доко-о-ле ханжи будут торчать у нас перед глазами
Со святой водой, попом и образами?
Доколе мы будем верить, что от их водицы
Повысится урожай советской ржи и пшеницы?

С опровержением по поводу громкой, как сейчас бы выразились, публикации немедленно выступил Николай Иванович Вавилов. Смолчать было невозможно, потому как тень падала не только на Лабораторию Ячевского, но и на весь Институт, руководство которым Вавилов принял пять с лишним

лет назад. Более того, автор пасквиля по сути дела совершил публичный донос на конкретных профессоров ГИОА, что было особенно чревато... Одним словом, редакции всех трёх газет получили от директора Государственного Института опытной агрономии решительное заявление, адресованное, в том числе, и самому Д. Бедному. В своих письмах Н. И. Вавилов одинаково обратился к каждой газете –

С просьбой переслать копию т. «Демьяну Бедному».

В связи с помещением Вами стихов по поводу молебствования и водосвятия в Институте опытной агрономии и его фитопатологической лаборатории имею сообщить следующее: приведённого факта в лаборатории не было ни при открытии, ни в других обстоятельствах, о чём считаю долгом заявить самым категорическим образом. При переезде заведующего лабораторией проф. Ячевского из старой квартиры в новую на его личную квартиру был действительно приглашён священник, и это, вероятно, послужило поводом к неправильному толкованию.

Примите уверение в совершенном уважении
Директор Гос. Института опытной агрономии
академик Н. Вавилов [8].

Так ли всё происходило на самом деле, как следует из категорического заявления, и нога священника собственно лабораторных порогов в действительности не переступала? Или же батюшке было-таки предложено освятить, заодно с «личной квартирой» профессора Ячевского, ещё и помещения Лаборатории? Верно, скорее всего, второе, и Вавилову пришлось таким образом прикрывать в первую очередь именно Артура Артуровича, единственного инициатора, вовлечённого, получается, «профессуру» в дела богослужебные. Во всяком случае, если снова вспомнить, сколько радости испытал Ячевский по поводу прекрасного расположения своего рабочего кабинета с видом на Исаакиевский Собор, то не очень верится, чтобы стены хотя бы и этой комнаты не были бы окроплены святой водой. А это уже, как ни крути, – Отделение микологии и фитопатологии Государственного Института опытной агрономии.

А ещё сразу же бросается в глаза то, что имя Демьяна Бедного взято почему-то – в кавычки... Стало быть, строка с тонким подтекстом? Перешлите, мол, копию этому товарищу, так называемому Демьяну Бедному... То есть, для Вавилова не было, видимо, великой тайной, что за Демьяном Бедным скрывается Ефим Алексеевич Придворов, как его в действительности звали-величали. Фамилия очень уж была неподходящей для него, ставшего подлинно придворным поэтом новой власти. Ему даже квартиру нашли возможным выделить в Кремле. Сергей Есенин однажды не выдержал и назвал Д. Бедного в одном своём стихотворении «Ефим Лакеевич Придворов». Вполне могло быть и это известно автору письма, предпринятого в защиту коллег из «фитопатологической лаборатории Института опытной агрономии».

Вероятно, ознакомился академик Н. И. Вавилов и с появившимся в «Чудачке» фельетоном. Ведь налицо была скоординированность между собой выпадов против Лаборатории имени А. А. Ячевского. Кстати, действительным членом Академии наук СССР Николай Иванович стал в тот же самый месяц январь, когда на страницах сразу трёх газет и одного сатирического журнала появились эти публикации. Безусловно, преднамеренность их была очевидной хотя бы по той, исторически известной, причине, что ещё накануне, в минувшем 1928 году, власть развернула необъявленную войну, направленную на дискредитацию отечественных учёных – беспартийную профессуру, «наследие царских времён». Начиналась советизация Академии наук, под контроль было взято всё, что

касалось выдвижения и отбора кандидатов для окончательного голосования.

Кандидатура А. А. Ячевского на предварительной отборочной комиссии по биологическим наукам рассматривалась в начале декабря. Однако к этому моменту участь его уже была решена: он остался за пределами подготовленного заранее секретного списка «приемлемых кандидатур» в действительные члены АН СССР. Поэтому на комиссии оставалось лишь предъявить ему публично массу обвинений, выложив весь выисканный на него компромат, доказывающий его «неприемлемость». Кто-то специально позанимался дореволюционным прошлым Артура Артуровича на предмет возможных разоблачений учёного. За незначительной, в общем-то, давностью лет не составляло, конечно, большого труда нечто припомнить, либо воспользоваться чьими-то услужливыми подсказками, чтобы в итоге продемонстрировать, насколько профессор Ячевский не отвечает идеологическим качествам, необходимым советскому академику. Могли в виде «аргументов» выставить очень весомые факты: камергер Двора Его Императорского Величества; издатель газеты, редактировавшейся родным братом «кровожадного царского министра Столыпина»; член Имперского совета Партии правого порядка, огульно причислявшейся Лениным к партиям черносотенского толка...

Подписная реклама, печатавшаяся в газете «Новое время» [9]

Вместе с тем не просто должны – обязаны были проверить, не имеется ли чего-нибудь на А. А. Ячевского в соответствующих органах по линии их работы с «буржуазными элементами». А тут и нашлась закрытая информация, касающаяся его ареста и препровождения на Гороховую, 2, в Петроградскую ЧК, в октябре 1919 года.

Отвергнутый ещё на подступах к непосредственному голосованию, Артур Артурович вряд ли был неутешно огорчён тем, что путь в действительные члены Академии наук СССР оказался для него навсегда закрытым. Особых надежд, вернее всего, он и сам не питал, давно убедившись в ненужности кому-то что-то доказывать по поводу своей лояльности или нелояльности. Посетовал, может быть, лишь о зря потраченном времени, которое пригодилось бы на что-нибудь более полезное. Пораньше, к примеру, провели бы мероприятия, посвящённые переезду Лаборатории. Но и в сложившейся ситуации ничего по существу не отменялось, и «семейный вечер» состоялся – только что с немного сдвинутыми из-за выборной кампании сроками. А вот совершённый в помещениях Государственного института молебен освящения, о чём в конце концов стало известно партфункционерам от науки, должен был произвести на них впечатление откровенного вызова... Ну не дерзость ли, в самом-то деле: после того, как «неприемлемого» кандидата в академики поставили, что называется, на своё место, он позволяет себе такое!

Как было не отреагировать на подобную вольность, допущенную в советском научном учреждении? Тем более появился подходящий повод в очередной раз заклеить сво-

енравную профессию, не очень спешащую стать образцом безукоризненной исполнительности в отношении официальных подходов к наукам, связанным с сельским хозяйством. И агитационно-пропагандистская машина сработала безотказно. Демьяну Бедному сформулировали задачу: на основе поставленного ему информационного материала требовалось высечь кнутом рифмованной сатиры «богомольно-профессорское стадо». Что и было исполнено, только Ефим Лакеевич не просто поглумился над профессорами, а ещё и призвал на «ложно-учёные отбросы» кару!

Как бы то ни было, жизнь продолжалась. Двадцать второе декабря двадцать восьмого года всё дальше стало отодвигаться в прошлое, и все переезды-переселения для Артура Артуровича на том закончились. Прожита была во дворце Кочубея первая зима, и первую весну сменило лето. В самом конце июня отдел микологии и фитопатологии объединили с отделом прикладной энтомологии прекратившего своё существование ГИОА, в результате чего был создан в системе

ВАСХНИЛ Всесоюзный научно-исследовательский институт защиты растений. У Лаборатории появились возможности организовать новые службы, добиться незамедлительных ассигнований и кредитов на будущий год для оплаты новых штатных должностей. Как единый организм начинал свою историю и новый Институт, для которого грядущие годы и десятилетия ещё были закрыты плотной завесой неизвестности. При своей уникальной работоспособности А. А. Ячевский несравнимо больше сделал бы в эту пору и на благо Лаборатории, и на пользу всего Института защиты растений, но его поразила болезнь, заявившая о своей неотвратимости...

Академик Владимир Иванович Вернадский, не имевший привычки читать ленинградские газеты, узнал о кончине Ячевского только на третий день после похорон. 16 февраля 1932 года в своём дневнике он записал об этом следующее: «Умерли Багалеи, Ячевский, Искюль. Не мог никак выразить соболезнования. Ячевского особенно мне жаль...» [10].

Сергей ЯКОВЛЕВ,
член Союза писателей России.
г. Томск.

Примечания:

1. Вавилов Н. И. Письмо С. Ф. Ольденбургу (№ 540). В кн.: Николай Иванович Вавилов: Из эпистолярного наследия, 1911–1928 годы. – М.: Наука, 1980, с. 343–344.
2. Бабаян А. А. Воспоминания об А. А. Ячевском. В кн.: Труды Всесоюзного научно-исследовательского института защиты растений. Сборник материалов симпозиума, посвящённого М. С. Воронину и А. А. Ячевскому. – Л., 1964, с. 45.
3. Там же.
4. Ячевский А. А. Очерк деятельности и направления работ Отдела микологии и фитопатологии Сельско-Хозяйственного Учёного Комитета. – Труды Второго энтомо-фитопатологического съезда (25–30 октября 1920 года. Петроград.)
5. Там же.
6. «Чудак»: Еженедельный художественный журнал сатиры и юмора. – М.: Издательский дом «Огонёк», № 4, январь 1929 г.
7. Из фондов Научной библиотеки Томского Государственного Университета.
8. Там же.
9. Вавилов Н. И. Письмо «В редакции газет». (№ 77). В кн.: Николай Иванович Вавилов: Из эпистолярного наследия, 1929–1940 годы. – М.: Наука, 1987, с. 63–64.
10. Вернадский В. И. Дневники. 1926–1934/ Сост. В. П. Волков. М.: Наука, 2001.

Благодарности. Сотрудники Лаборатории Микологии и Фитопатологии им. А.А. Ячевского благодарны Сергею Константиновичу Яковлеву за ряд новых автобиографических материалов из жизни члена-корреспондента АН СССР, профессора Артура Артуровича Ячевского, а также за подготовку рукописи к печати.